

Юлия Тарасова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

За долги
ОТДАМ ТЕБЯ

Юлия Гауф

За долги отдам тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69502624

SelfPub; 2023

Аннотация

– На три месяца ты моя, Арина! И будешь делать то, что я скажу. В один момент спокойная, размеренная жизнь превратилась в руины. Прошлое настигло, как только мы с мужем и маленькой дочерью вернулись домой после долгого отсутствия. И имя этому прошлому – Алан. С ним меня связывают детские воспоминания, школьные годы. И тайна, которую я должна сохранить. Он хочет мне отомстить, а я больше всего желаю свободы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Гауф

За долги отдам тебя

Пролог

В комнате темно. Тихо закрываю за собой дверь, отсекая звуки гремящей музыки. Окунаюсь в тишину – спасительную и необходимую мне сейчас.

Надолго ли хватит этого покоя?

– Набегалась?

Он стоит за моей спиной, и мне не нужно оборачиваться, чтобы определить расстояние между нами. Я всегда его чувствовала.

Пара сантиметров. Или пара миллиардов километров... пара галактик.

Смотря, как считать.

– Алан, ты обещал, – говорю я, стараясь быть твердой.

Только бы не показывать свой испуг! Панику, которая действует на него, как лакомая дичь для хищника. Потому я стою, не двигаясь, ведь знаю: побегу, и он догонит.

Всегда догонял.

– Да, милая, – его голос почти ласкает. Как и его чуть шершавые пальцы, скользящие по моей полуобнаженной спи-

не. – Я обещал, но ведь и ты свое слово не сдержала! Знаешь, что бывает с обманщицами?

Вздрагиваю от угрожающих нот в его голосе – мягким характером Алан никогда не обладал. Развернуться бы, влечь пощечину, прогнать его, или...

Отмахиваюсь от идиотских мыслей, а мужчина, тем временем продолжает:

– Ты так и будешь молчать?

– Чего ты хочешь? – я набираюсь смелости, и оборачиваюсь.

Он даже ближе, чем я думала – возвышается надо мной, подавляет. Делаю шаг назад, и чертовы шпильки подводят – я начинаю падать.

– Ты только и делала, что врала, – Алан подхватывает меня, не позволяя упасть. Склоняется надо мной – опасный хищник над своей жертвой. – Врала и предавала. А хочу я...

Взгляд Алана скользит по моему телу, обтянутому черной тканью. Черный взгляд, черное платье, черная комната... слишком много темноты! Но от взгляда его я снова загораюсь – как раньше, и от этого не менее горько.

И больно!

Ведь я знаю, что ему от меня нужно.

Глава 1

Три дня назад

Самолет приземляется на посадочную полосу, и меня охватывает недоброе предчувствие. Оно преследовало меня и тогда, когда мы покупали билеты, и когда ехали в аэропорт. Но долгий перелет вместе с ребенком требовал полной моей отдачи, и на посторонние мысли времени не осталось.

А сейчас снова нахлынуло то самое чувство, и имя ему – страх.

Зря мы вернулись в Россию! Что-то должно произойти...
– Мама, мы дома? – спрашивает Алиса, и умильно зевает.

Усмехаюсь против воли – нет бы спать в дороге! Но так ведь неинтересно, гораздо приятнее было приставать ко мне с миллионом вопросов: как «эта железная штука» держится в воздухе; не можем ли мы открыть окно, чтобы Алиса высунулась, как из окна машины; почему облака не над нами, а под нами...

Вся в отца!

А сейчас, когда длинная дорога позади, моя пятилетняя дочь с чувством выполненного долга решила выпасться!

– Дома, милая, – улыбаюсь я, и поправляю бант на черных кудрях Алисы. – Устала?

– Немножечко, – жмурится дочь, и потягивается. – Самую капельку.

– Пора, – Костя уже в проходе, и кивает нам, чтобы мы вставали со своих кресел. – Она заснула.

Осторожно беру Алису на руки, прижимая к себе теплое тело дочери, и иду к выходу. Надеюсь, муж не забудет оформить доставку багажа – долгого ожидания, и эпопеи с миллионом сумок я не выдержу.

Москва встречает меня неласково. Впрочем, она никогда не была ко мне добра – ни раньше, ни сейчас, как я подозреваю. Вдыхаю морозный мартовский воздух до боли любимого и ненавидимого города, и направляюсь к ожидающей нас машине.

– Арина Дмитриевна, с прилетом, – тихо приветствует меня шофер мужа, и я киваю.

Сажусь в машину, устраивая Алису на коленях, и жду Костю – скорее бы домой! Скрыться от этого шумного города-муравейника, от воспоминаний, поджидающих на каждом углу. Спрятаться, чтобы не думать – в Америке у меня получалось.

Почти.

– Давай, я ее понесу, – кивает муж на Алису, и я качаю головой – нет уж.

– Багаж скоро доставят?

– Через пару часов, – задумавшись о чем-то бросает Костя. – Я в душ, и по делам. Не жди меня.

– Мы только приехали, – терпеливо говорю я мужу, – и ты уже уходишь! Какие могут быть дела? Нас не было здесь больше пяти лет, и...

– Вот именно, – сердито перебивает меня мужчина. – Нас не было в Москве много лет, и работа не ждет! Все знают, что я вернулся, и мне придется уделить каждому внимание. Хочешь – идем вместе?

Вместе? Знает же, что я не соглашусь. Слишком я устала от сборов, от перелета.

– Иди, – выдыхаю я. – Я займусь домом.

Костя кивает, и скрывается в комнатах чужого для меня дома. Сколько я прожила здесь? Неделю – еще тогда, пять с половиной горьких лет назад.

– ... и жили они долго, и счастливо, – убаюкиваю я Алису сказкой.

Как можно более бесшумно поднимаюсь с кровати дочери, легонько целую ее в круглую, теплую щечку, и выхожу из детской. Ложусь в кровать – уставшая, разбитая и мечтающая о долгом сне, который никак ко мне не идет.

Кости до сих пор нет. Но волноваться не стоит – случись с ним беда, мне бы сообщили. Очередной скучный прием, или мужские посиделки в сауне, на которые женам хода нет

Час ночи, два, три... вздыхаю сердито, и спускаюсь вниз, согреть молока с медом – при бессоннице мне всегда помогает это нехитрое снадобье.

– Черт, черт, черт... – доносятся до меня глухие проклятья, и я почти бегу на кухню.

– Костя?

– Выродок! – шипит муж с ненавистью. С пустотой разговаривает, сидя за кухонным столом, спрятав лицо в руках.

– Что случилось?

Сердце мое заходится в панике... я знала! Знала, что должно произойти нечто, а все – и муж, и брат – лишь смеялись надо мной.

– Что случилось? – поднимает Костя голову, глядя на меня снизу-вверх. – О, ничего страшного, милая моя женушка. Сушная ерунда!

Слова его перемежаются нервным смехом. От мужа несет диким страхом, сигаретами, женскими духами и крепким алкоголем – то еще сочетание.

Несочетаемое, как дурной коктейль.

– Расскажи нормально, какая беда приключилась, – провожу ладонью по его светлым волосам, гадая – прикасалась ли сегодня к моему мужу другая женщина?

– Я проигрался, – стонет он, отталкивая мою руку.

Проигрался... опять!

– Какого дьявола? Тебе нельзя садиться за карточный стол!

Я злюсь. Нет, я в бешенстве! Что за пагубная страсть – азарт, заставляющий ставить на кон состояния?!

– Не начинай, – раздражается муж, вскакивая со стула. –

Только твоих нотаций мне сейчас не хватало! Это все ты!

Костю шатает, и муж хватается руками за стол, сиюсь удержаться на ногах. А я почти мечтаю, чтобы он упал. Чтобы замолчал, чтобы прекратил истерику!

– Сколько?

Отвечает мне злой, каркающий смех, и я холодею – никогда еще муж не был в таком состоянии. Он проигрывался множество раз, без трепета отдавая квартиры, крупные суммы денег, портфели акций и автомобили. Но сейчас дело в другом!

– Сколько? – повторяю я вопрос и, пересиливая себя, обхватываю мужа за плечи.

Тяну его вниз, заставляя опуститься на стул, и сладкий, гнилой запах чужих духов, кажется, пропитывает насквозь и меня.

Интересно, кто успел его утешить?

– Все! Я... мы банкроты! – выкрикивает муж.

Как – все?

– Объясни нормально, будь добр, – трясую я головой, сиюсь привести мысли в порядок.

– Что тебе объяснить? – злится Костя, срывая на мне свою злость. – Встретился с партнерами – они знали, что я прилетаю. Пошли... в одно место, выпили и, я сам не понимаю каким образом, оказались в закрытом казино! Карта мне шла хорошая, я выигрывал, пока не пришел этот выродок. Я хотел остановиться, веришь?

Костя жалобно смотрит на меня, напоминая обиженного ребенка, и я киваю.

– Верю. Дальше.

– Этот... он насмехаться начал, что я зассал! Что боюсь сыграть с ним, – муж сжимает ладони в кулаки, и мне становится страшно – в таком состоянии он может совершить все, что угодно. – И я проиграл!

– Что именно ты проиграл?

Муж снова вскакивает со стула. Оборачивается ко мне, глядя с ненавистью.

– Ты дура? Я же сказал – я проиграл все, что у нас есть! Бизнес, деньги, недвижимость, поняла? Мы нищие теперь!

О нет! Нет, нет, нет...

«Дыши, Арина, – говорю я сама себе. – Деньги – далеко не главное, тебе ли не знать? А свои планы придется отложить на потом!»

– Нам дадут отсрочку? – спрашиваю я, стараясь говорить спокойно. – Может, я сама поговорю с этим человеком? Постараюсь объяснить, что ты не только свое, ты наше проиграл. Может, он поймет?

Как же сложно сохранять лицо в ситуации, когда хочется устроить скандал! Кричать, что он не имел никакого права подставлять нас с дочерью; что ему пора лечиться; что мне надоели его измены... но это не поможет.

Все станет лишь хуже.

– О, какая чудесная мысль, – смеется Костя, и радость его

искренняя, к моему удивлению. – Он поймет! Еще как! Сразу же предложил простить мне долг, в обмен на...

Муж замолкает, словно смакуя этот момент.

– Мне не до интригующих пауз, – сердито говорю я. – Ну же!

– Знаешь, с кем я играл? С Аланом, – выплевывает он. – И долг он простит лишь в обмен на тебя. Вернее, на три месяца с тобой. Решай, дорогая!

Глава 2

Алан... нет, нет, нет.

Нет!

– Ты в своем уме?

Голос мой дрожит, мысли путаются – да как он мог? Знал же, видел все, что было тогда – много лет назад! Видел, в каком я была состоянии – опустошенная и уничтоженная.

– Я не мог отказаться... – начинает муж, а я смеюсь.

Мне не радостно, но смех выплескивается из меня. Хочется скрыться от всего мира, хочется снова уехать, лишь бы не находиться с Аланом в одном городе. В одной стране.

В одном мире!

– Ты даже разговаривать с Аланом не должен был, зная то, что ты знаешь! – я почти кричу, позволяя себе быть грубой – Костя заслужил. – Но тебе есть дело лишь до самого себя. Не хочешь показаться трусом и слабаком, но вместо этого спускаешь все, что у нас есть, да еще и предлагаешь мне расплачиваться своим телом. Я не шлюха, а твоя жена!

Разворачиваюсь, чтобы уйти – пусть сам разбирается, в конце концов! Муж сам заварил эту кашу, и не мне ее расхлебывать. Мысли путаются, в голове шумит – от злости и обиды на то, что меня приравнивали к вещи. К собственности, которой можно расплатиться, и которую можно попросить в

уплату долга...

Оба они мерзавцы – и Алан, и Костя.

Муж хватает меня за руку, когда я уже почти добралась до лестницы. Сжимает запястье до синяков, дергает, заставляя развернуться.

– Ты не поняла? Это не шутки, – шипит он, источая неприятную для меня смесь запахов. – Я не прошу тебя с ним спать! Раньше ты неплохо крутила Аланом, и сейчас справишься. Ты должна мне, Арина. Должна! Помнишь, что я сделал для тебя?

Помню. Потому и терплю запахи других женщин. Следы помады на воротнике, царапины на спине. И Костя все это даже не скрывает, цинично вытирая ноги о мою гордость.

Да, я терплю потому, что обязана ему всем! Но Алан...

– Нет, – вырываю руку из захвата, больно ударяясь локтем о перила лестницы. – Все, что угодно, но не это! Не Алан... я его видеть не могу!

Бегу по лестнице вверх, словно за мной черти гонятся. Или муж, что еще хуже. Захожу в комнату дочери, скидываю халат, и ложусь рядом с ней. В супружескую постель этой ночью меня не тянет даже ради приличий...

Да и какие приличия могут быть теперь?

Обнимаю Алису, подозревая, что теперь точно не засну – не после рассказа мужа, не после воспоминаний об Алане. Но, словно в темную пропасть, лечу в сон спустя всего пару минут.

И снится мне то самое прошлое, которое я так стремилась вымарать из памяти.

– Арина, просыпайся. Арина!

Слышу голос брата, и хочу открыть глаза, но вспоминаю события прошлой ночи, нахлынувшие на меня бурным потоком. И хочется уже не радоваться новому дню, а рыдать кровавыми слезами.

Алан долгов не прощает!

– Доброе утро, – я решаю перестать накручивать себя, и сажусь на кровати. Алиса сладко посапывает, обняв дурацкого выцветшего зайчонка. Встаю, поправляю одеяльце, и выхожу из детской.

Брат идет за мной неотступно, входит в нашу с Костей спальню, и садится на нашу кровать.

– Я все знаю! – говорит он хмуро, и я с облегчением выдыхаю – уж брат меня всегда понимал! – Костян мне все рассказал. Ну он и идиот!

Правду говорят, что близнецы – половинки одного целого, вот и мне повезло.

– Мы как-нибудь выкрутимся, – через силу отвечаю я. – А Костя... он пьян был, вот и предложил мне пойти к Алану... черт, я же говорила, что не нужно было нам возвращаться!

Не сдерживаюсь, кричу зло – снова Алан отбирает у меня все! Деньги – это хорошо, но мне, по сути, на них плевать. Если бы только они не достались Алану...

– Не истери, – строго приказывает брат. – И головой подумай! От тебя не требуется ничего... такого, понимаешь?

– Не понимаю, – отрезаю я.

Отказываюсь понимать!

– Да брось ты строить из себя невесть что! О других подумай, а не только о себе, как привыкла, – Саша произносит это ровно и безэмоционально, но слова бьют наотмашь – хлестко и больно. – Алан – мстительная тварь и, если предпочел тебя состоянию – он поиграть захотел. Не получит тебя – развалит все, что годами создавалось! Мы все по миру пойдем, люди останутся без работы...

– Ты останешься без работы, – перебиваю я брата, в упор глядя на него.

– Да, – кивает он. – Я потеряю кресло. А с твоей дочерью что будет? Хочешь для нее той же нищеты, из которой мы вылезли? И три месяца с Аланом – небольшая цена!

Никакой поддержки – я ошиблась.

Но так ли он неправ?

– С приездом, – отец обнимает меня, привычно потрепав по щеке, и проходит в дом.

Мужу моему он уделяет куда больше внимания, чем мне и Алисе, которая обиженно дует на такой прием. Дедушку она любит, а вот дедушка ее...

Пора признать, что любит отец только моего брата. И то, не как отдельную личность, а как продолжение самого себя.

– Проходите завтракать, – зову я, входя в привычную роль радушной хозяйки большого дома.

Сажусь напротив хмурого мужа, всем видом показывающего свое ко мне отношение, и злость снова пробирает меня – нашел крайнюю! Брат тоже не слишком рад моему обществу, и что-то шепчет отцу на ухо.

Кажется, я знаю, что именно. Слишком выразительные взгляды папа бросает на меня.

– Анна Степановна, уведите Алису, – прошу я няню.

– Но мама! – обиженно восклицает дочь, и я щелкаю ее по носу.

– Иди, детка. Анна Михайловна тебя накормит, вы чудесно проведете время.

Няня уводит мою малышку, и я жду – когда же грянет гром? К еде не притрагиваюсь, аппетита нет, да и с минуты на минуту начнется...

– Значит так, – голос отца прерывает мои мысли. – Мы – семья, Арина, но ты об этом забыла, я так понимаю?

– Не забыла.

– Почему же ты не хочешь помочь? – папа не повышает голос. Говорит он тихо, и этот его тон меня всегда пугал больше всего. – Плевать тебе и на мужа, который лишится всего, и на брата. На дочь свою, которую будущего лишаешь... на всех плевать! Встала в позу! А так в семье не поступают! Ты...

– Я пойду к Алану, успокойтесь, – раздраженно переби-

ваю я, взмахивая вилкой. – Ваша взяла! Но готовьтесь к тому, что вся Москва будет знать, что Константин Вольский – сутенер, торгующий своей женой!

Хватаю два круассана, и встаю из-за стола. Быстрыми, размашистыми шагами покидаю столовую, слыша за спиной едкие замечания отца и шумное дыхание Кости – пусть знают, что я о них думаю!

Отец, конечно, прав. Мы – семья, и должны быть друг за друга горой, но требовать от меня такое они не имели никакого права. Низко это.

– Можете идти, – говорю я няне, и сажусь напротив дочери. Подмигиваю моей темноволосой малышке. – Устроим чаепитие, детка?

– Не хочу, – вздыхает Алиса. – Папочка сердится на меня?

Поднимаю Алису, и усаживаю к себе на колени. Какая же она очаровательная: маленькая леди в пышном платье. Я такой не была – по деревьям карабкалась, с мальчишками играла. Одежду зашивать не успевала – всегда рвала ее о ветки деревьев, и являлась домой как трубочист: грязная, ободранная и счастливая.

Алиса же – полная моя противоположность: нежная, маленькая леди.

– Папочка сердится на меня, а не на тебя, – успокаиваю я ребенка, и наматываю ее темные кудри на палец. – Так что не переживай, милая!

– А ты что-то плохое сделала, мама?

Как посмотреть. Странно получается: Костя почти каждый день совершает такие поступки, за которые другая бы давно на развод подала, а я терплю. Помню о том хорошем, что он для меня сделал. О том, что перечеркивает все его гнусности.

Я ему должна. И долг я верну, а потом... посмотрим.

– Это взрослые дела, – я шумно целую Алису в щеку, и она смеется от чмокающего звука, раздавшегося по всей комнате. – Я вернусь вечером, милая, и мы с тобой займемся тем, чем сама захочешь.

Встаю со стула, на ходу доедая круассан. Пора встретиться с Аланом. Может, я смогу убедить его...

Хотя, не стоит себя обманывать, и лелеять пустые надежды – не смогу. Он всегда поступал так, как хотел. А меня он услышать не захочет.

– Можно мне с тобой? – Алиса разворачивается к двери, и разглаживает юбки.

Точно, леди!

Представляю их с Аланом встречу, и руки холодеют. Пальцы покалывает от паники, которая уже давно живет во мне.

– Милая, я на скучную встречу. Тебе не понравится. Поверь, – говорю я чистую правду, – я бы с удовольствием осталась дома!

Оглядываю себя в зеркало, удовлетворенная своим внешним видом – бледновата немного, но вряд ли в Москве много

загорелых людей в марте месяце. Спускаюсь вниз – к своему дружному семейству, ополчившемуся против меня, и сплотившемуся вокруг моего мужа – изменщика и игромана.

– Где мне найти Алана? – резко спрашиваю я у Кости.

Муж даже не пытается скрыть облегчение и радость от того, что он победил.

Снова победил, заставив меня делать то, что я не хочу!

– Я тебя подвезу, – кивает он.

Глава 3

Муж решает вести машину сам, отослав шофера. Сосредоточенно ведет машину, будто выполняет обычную обязанность.

Подумаешь, сущая безделица – жену проиграть!

Как в каком— то Средневековье! Но, кажется, и тогда жёнами не разбрасывались, все больше сестрами и дочерьями торгуя.

– Дорогой, ты продешевил, – резко разрываю я тишину от накатившего злого смеха. – А еще бизнесмен!

– О чем ты?

– Еще вчера у тебя было и твое состояние, и жена. А сейчас... ну, твое состояние до сих пор при тебе, а вот жена... – протягиваю я, поворачивая голову к мужу, – потому и говорю: продешевил! Добро бы в плюсе остался от этой сомнительной сделки, но мы имеем то, что имеем!

Не понимаю, зачем я это говорю – глупые слова, которые не обижают, а лишь злят Костю. Его любые мои слова злят, ведь обидеть его больше, чем уже обидела, я не смогу.

– А ты, я смотрю, рада, – зло бросает муж, паркуясь в Сити. – Все бабы шлюхи! Только вид делала, что забыла Алана, а сама все эти годы только и мечтала снова ноги раздвигать перед ним!

Что он несет?

– Ты совсем сбрендил? Ты понимаешь, что вообще говоришь? – вместо слов из моего рта вырывается шипение.

Лучше бы он меня ударил! Слова бьют сильнее, чем синяки, которые проходят.

– Посмей только, – муж дергает меня на себе, – только попробуй с ним переспать! Убью тебя, поняла? Посмей только... и я не шучу!

Это бесполезно. Костя уже забыл, что сам толкнул меня к Алану, которого я не хотела бы видеть никогда. И сейчас раздирает меня на куски, опьяненный ревностью, как дикое животное – кровью.

– Не говори мне об изменах! Из твоих уст это звучит смешно, – вырваться не получается – муж намного сильнее меня.

Если кто-то заглянет в нашу машину, то подумают, что мы – влюбленная пара. Так близко мы к друг другу. И руки мужа на моих плечах смотрятся нежными объятиями, а не оковами.

– Хочешь поговорить о моих изменах? – с ослепляющей жадностью интересуется муж, и я качаю головой.

Нет, не хочу. Это обидно, но оскорбляли меня и сильнее.

– Иди к нему, я подожду здесь, – с усталостью произносит муж, отпуская мои ноющие плечи.

Открываю дверцу машины, но снова захлопываю ее. Надежда вдруг окрыляет меня, и я бросаюсь к Косте, почти по-

виснув на нем.

– К черту деньги! Давай уедем, давай попытаемся все наладить, – жарко и быстро прошу я, надеясь, что он послушает. – Ты ведь знаешь, что я всегда хотела быть тебе хорошей женой! Прощу тебя, давай уедем сегодня: ты, я и Алиса! Еще ведь не поздно!

«Ну же, – мысленно кричу я. – Ты ведь любишь меня! Уродливой любовью, но любишь! Так выбери же меня, а не деньги!»

– Иди, – бросает муж с сожалением в голосе.

Деньги ему дороже. Никогда и никто не выберет меня – вот она, эта любовь!

– Проведи время с Алисой, она по тебе скучает, – мертвым голосом прошу я, и выхожу из машины.

Захожу в высокое здание, гадая, как мне искать среди безликих офисов тот, в котором работает Алан. Но охранник, едва я называю свою фамилию, кивает и набирает чей-то номер.

– Вас проводят, Арина Дмитриевна, – вежливо сообщает он.

Симпатичная, безликая девушка окликает меня, зовя за собой, и мы заходим в лифт. Добираемся до последнего этажа этой башни, и выходим в коридор.

«Налево пойдешь – себя потеряешь, думаю я, притормозив у этого перекрестка трех дорог. – Направо пойдешь – жизнь потеряешь. Прямо пойдешь – что же будет?»

Фыркаю, понимая, что сбрендила со всеми этими детскими сказками, которые требует от меня Алиса, и догоняю бодрую девицу.

– Скажите, а мы вообще где? – интересуюсь я, чтобы отвлечься от предстоящего разговора. – Я имею в виду, в офис какой компании мы идем?

– Здание принадлежит холдингу «СеверСталь-Инвест», – лаконично отвечает чуть удивленная девушка, и мы заходим в приемную.

Секретарь – мужчина, что меня несколько озадачивает. Встает, приветствуя меня, и открывает передо мной дверь. На миг замираю, и вытираю вспотевшие ладони о платье.

«Нужно было выпить, – размышляю я, и захожу в просторный кабинет, смотря себе под ноги. – Для храбрости. Напиться вдрызг! А лучше – забрать Алису, послать своих родственников, и попробовать уже жить самостоятельно!»

– Проходи, Арина.

Голос Алана – тот, который я надеялась никогда больше не слышать – волной проходит по телу, концентрируясь в самом сердце, которое того и гляди разорвется. Или остановится от пронзившей боли.

Нельзя показывать ему свои слабость и трусость! Эти качества Алан лишь презирает, признавая лишь сильных – таких, как он сам.

– Здравствуй, Алан! – я вежливо улыбаюсь, наконец глядя ему в глаза. Быстро подхожу к массивному столу, стуча каб-

луками, и сажусь в кресло напротив. – Как ты поживаешь?

Алан молчит. Смотрит на меня, и ничего не понять по его выражению лица – застывшему и холодному. Надеюсь, и на мне хорошая маска. Обидно будет, если нет – слишком долго я притворялась.

– Спасибо, замечательно, – отвечает он. – Надеюсь, и ты тоже. Кстати, поздравляю со свадьбой. Жаль, что приглашения я так и не дождался.

Скулы ломит болезненно – только бы не разрыдаться! Позволю себе слабость – и я пропала. Проиграла!

– Благодарю. Нам было не до гостей, – улыбка моя трещит, грозя осыпаться гипсовой крошкой старой статуи. – И так?

Алан хмыкает на мой короткий вопрос, на миг становясь похожим на себя прежнего – яростного, озлобленного, одержимого, но любящего меня. Открывающегося передо мной, доверяющего... или мне так только казалось?

– Я думал, твой муж доходчиво тебе все объяснил, – Алан привычным жестом проводит по левому виску, и впивается в меня своими дымными глазами. – И раз ты здесь – тебя все устраивает. На три месяца ты моя, Арина! И будешь делать то, что я скажу.

Как бы не так!

– Три месяца я должна провести с тобой? – переспрашиваю я, откидываясь на спинку кожаного кресла. – И что будет входить в мои... обязанности?

Алан улыбается уголками губ, но глаз его улыбка не кос-

нулась – дикие у него глаза. Сколько лет я неотрывно в них глядела? С шести лет – почти всю свою чертову жизнь.

– Думаю, ты сама понимаешь, что именно. Не прикидывайся ребенком.

Унизить, значит, хочет. Еще больше, чем тогда!

– Я должна спать только с тобой? – деловито интересуюсь я. – Или мне нужно будет... хммм... обслуживать еще кого-то: твоих партнеров, коллег, еще кого? Может, стоило проститутку для этого нанять – опыта всяко больше, чем у меня.

В глазах Алана разгорается знакомое бешенство – то, которого я всегда боялась и, что греха таить, ждала. Ведь вспышки его заканчивались испепеляющей страстью – а нервы пощекотать я любила всегда.

– У тебя опыта будет побольше, чем у профессиональной шлюхи, – выплевывает Алан, и я на миг прикрываю глаза – да как он смеет?

Двое мужчин у меня было – и оба меня не оценили.

И оба считают шлюхой!

Слышать такое горько. Обидно, ведь повода я не давала ни одному из них.

А еще... еще мне смешно от того, что паталогически неверный Костя, и Алан, который ничуть его не лучше, указывают на мой моральный облик!

– Откуда такие глубокие познания о моей личной жизни? – спрашиваю я, немного придя в себя. – Может, назо-

вешь список моих «клиентов»? Иначе я не понимаю, почему ты считаешь меня хуже Мессалины.

В глазах Алана мелькает раздражение – ах, да, вряд ли он читал о сластолюбивой римлянке, и сравнение не оценил. Мужчина резко поднимается со стула, пугая меня порывистостью своих движений – слишком я отвыкла от такого.

Костя всегда, даже в школе, был вальяжным и неторопливым. Любимый сын и наследник, хозяин жизни. А Алан – зверь в облики человека, привык зубами вырывать от жизни все, что ему нужно.

– Тебе налить что-нибудь? – спрашивает Алан, подойдя к барному столику, стоящему в углу кабинета.

– Нет.

Тем не менее, Алан наливает мне виски, тихо ставя передо мной бокал.

«Я же хотела напиться, – хмыкаю я, и подношу крепкий напиток к губам. – Сейчас— самое время! Рановато, конечно, но раз уж становлюсь шлюхой – можно нарушать и остальные правила.»

– Ты изменилась, Арина, – вдруг произносит Алан, глядя на меня в упор.

Глаза его – дуло пистолета. Смотреть страшно, ведь не знаешь – выстрелит, или всего лишь играет?

Но и не смотреть невозможно.

– Мне двадцать пять лет, – отвечаю я, с облегчением подумав, что Алан оставил свои издевки. – Было бы странно,

если бы я осталась прежней.

– Я не о том, – коротко отмахивается он. – Ты стала той, над кем раньше смеялась – лощеной телкой в брендовых шмотках. Вышла за богатого мальчика, и изменила свои принципы, да? А говорила ведь, что деньги – пыль, и к Вольскому у тебя никаких чувств.

Говорила, да. Я многое говорила, только слова мои – тоже пыль.

– Молчишь? – хмыкает Алан, и залпом допивает виски. – А где же твой муженек? Я был бы рад еще раз встретиться со своим одноклассником. Прощая встреча была так себе. Хотя, твой муж, Арина, не расстроился проигрышу, и весьма бурно веселился в компании...

Алан обрывает фразу, не договорив, но тут и дура бы догадалась. В ушах неприятно звенит – как бы я ни старалась делать вид, что подобное поведение мужа нормально – это не так!

Его измены задевают, бьют по самолюбию. Уничтожают надежду на то, что мы сможем наладить нашу совместную жизнь. Я ведь могла бы полюбить его! И счастливые моменты у нас были: Костя забирает нас с Алисой из госпиталя, укачивает плачущую малышку, придерживает за пухлые ручки, чтобы не упала...

– Арина, очнись! – резкий голос Алана вырывает меня из омута памяти, и я вздрагиваю.

– Костя? Он внизу, в машине на парковке, – отвечаю я.

Ничего уже не наладить. Мужу я помогу, как ни крути – я обязана ему многим, а затем подам на развод!

– И как же он позволил тебе пойти на такое? – в голосе Алана отвращение, смешанное со злостью – адский коктейль.

– Я сама настояла. Люблю, знаешь ли, жить красиво. И деньги люблю, – улыбаюсь я, с трудом удерживаясь от того, чтобы подмигнуть Алану. – Не хочется лишаться статуса в обществе, так что я потерплю.

Пусть лучше думает так, чем узнает унижительную правду – выбора мне не оставили. Вернее, выбор-то я сама сделала, но откажись я платить по долгам мужа – и мне бы не дали жизни. Брат, которого я поклялась оберегать, лишился бы всего. Как и отец, и муж... да и правы они – цена невелика.

– А может, ты и не изменилась, а всегда такой была, – словно самому себе говорит Алан.

– Давай уже поговорим о долге! Я провожу с тобой три месяца – и мы ничего тебе не должны, так?

– Так, – кивает Алан.

– Я не стану с тобой спать, – твердо произношу я. – Могу неотрывно быть рядом эти месяцы, и сколько угодно издевайся надо мной, раз так ненавидишь. Но ноги я раздвигать перед тобой не стану – сними шлюху для этого.

Алан поднимается, опирается в стол кулаками и нависает надо мной – высокий, огромный, пугающий меня до чертиков. Всегда пугал – и в детстве, и сейчас. Только раньше я

знала, что ничего мне не грозит – не от него.

Ошибалась!

– Я не люблю повторяться, Арина, но для тебя сделаю исключение, – низким, с хрипотцой, голосом говорит мне Алан: – ты будешь делать то, что я скажу! Либо можешь проваливать – я не держу. Но в этом случае вы завтра должны будете передать мне все: недвижимость, акции, банковские счета... даже эти твои дорогие тряпки теперь принадлежат мне. Поняла? И какой ответ?

Будь ты проклят – вот какой!

Но слова – согласие или проклятия не идут с языка. Я лишь киваю в ответ.

– Я всегда получаю то, что хочу, Арина, – удовлетворенно произносит Алан, и садится обратно в кресло. – Пора бы тебе это запомнить!

Три месяца с ним... три чертовых месяца! Костя, что же ты наделал?

Только сейчас осознание накатывает на меня с необратимой ясностью – я пропала! Утром я всего лишь боялась встречи с Аланом – снова увидеть его, услышать голос... колени дрожали, как у провинившейся девочки. Но полное понимание пришло только что.

Это конец!

Плевать на репутацию. Плевать, что люди узнают – а они узнают, ведь такой скандал не скрыть. Костя... на него теперь тоже плевать – сам во всем виноват, да и брак наш умер

в тот самый момент, когда он решил, что я должна расплачиваться собой по его счетам.

А вот на свое, итак, треснувшее сердце мне не плевать – в следующий раз осколки я могу и не собрать!

Глава 4

На парковку выхожу, тела своего не чувствуя. Мысли в тумане, ноги ватные, и я земного притяжения я не ощущаю – оказывается, такое состояние бывает не только от счастья.

От несчастья тоже. Завтра... о Боже мой! Завтра начинаются наши три месяца.

– Ты долго, – замечает Костя, когда я сажусь в машину.

– Разве? Ах, поехали уже.

Муж словно и не слышит мою просьбу убраться отсюда скорее. Обхватывает мое лицо руками, разворачивая голову к себе.

– Чем вы там занимались? – рычит он, и сдавливает мои скулы пальцами.

– Уймись!

Отталкиваю Костю, и приподнимаю бровь – слишком многое он себе позволяет в последнее время. Хватит с меня морального давления, но силу к себе применять я не позволю.

– Трахались, да? – не успокаивается муж.

Лицо его покраснело. Дышит коротко и часто, верхняя губа подрагивает, и я выставляю руки вперед:

– Костя, мы просто разговаривали. Прошу тебя, отвези меня домой – я устала...

– Ну-ка, – он резко проталкивает руку между моих ног,

с силой раздвигая их. – Трахались, да? Сейчас проверю, и если ты посмела только... если вы оба...

Первый порыв – вырваться с криком. Пнуть, выпрыгнуть из машины – и я бы могла это сделать. Вот только Костя не успокоится. Какой же он псих – неужели думает, что Алану нужна Шахерезада, и он удовольствуется сказками?

– Сухая... хорошо, – из Кости словно воздух выпустили. Рука его перестает терзать мою промежность, а мне вдруг становится жаль этого мужчину. Он ведь тоже несчастен. Может, побольше моего.

– Поехали домой, – повторяю я.

Едем в молчании. Я готовилась к допросу. К тому, что Костя всю душу из меня вытрясет, но он молчит. И я молчу – думать о том, что будет завтра страшно.

Снова я теряю саму себя, и снова из-за Алана!

– Mamочка, папочка, – Алиса бросается к нам, едва мы с Костей заходим в дом. Няня, глядя на такое поведение подопечной лишь качает головой, а я улыбаюсь ей – пусть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.